
ПУБЛИКАЦИИ

Ю.А. Козлова

«И ТОЮ ДЕ ВОРОЖБОЮ ОНА, ДАРЬИЦА, ВОРОЖИЛА МНОГОЕ ВРЕМЯ...» (один из московских колдовских процессов XVII в.)

Материалы колдовских процессов относятся к числу важнейших источников для изучения как истории уголовного права, так и менталитета средневекового россиянина¹. При этом особо следует учитывать то обстоятельство, что они отражают практически все стороны сыска как формы следственного процесса в том его виде, в каком он существовал в допетровское время.

Достаточно подробные, хотя и случайные сведения о репрессивных действиях московских властей против чародеев и гадалелей появляются в летописных текстах уже в XV в.². Но лишь развитая судебно-следственная практика XVII в. дает в руки исследователей необходимое для полноценного исторического анализа количество дел, посвященных подобным деликтам.

Традиция публикации такого рода документов весьма скромна. Историю ее можно начать с 30-х гг. XIX в. — с появления соответствующих материалов в «Актах Археографической экспедиции» и в «Актах исторических». Опубликованные здесь дела приходятся в основном на период с 1600 г. до конца 70-х гг. XVIII в. В качестве наиболее ярких примеров можно привести материалы верхотурского процесса над находившимся под началом тобольского архиепископа Киприана протопопом Яковом (1625 г.), обвиненным в хранении «воровских корений»³, и документы двух пермских следствий 1606 г. о «напущении икоты»⁴. По одному из них обвинялся крестьянин Тренка Талев, по-другому — посадский человек Семейка Ведерник. Также весьма показательны производившееся в 1628 г. дело церковного дьячка Семейки Григорьева, отданного по патриаршей грамоте под надзор в Нижегородский Печерский монастырь за то, что у него была обнаружена гадательная книга «Рафли»⁵.

Особая заслуга в истории введения в научный оборот документации колдовских процессов принадлежит томскому профессору

Н.Н. Новомбергскому. В его сборнике «Колдовство в Московской Руси XVII-го столетия» содержатся материалы более чем 30 дел, относящихся преимущественно к периоду царствования Михаила Федоровича и Алексея Михайловича⁶. Некоторые подобного рода документы вошли также в его двухтомник «Слово и дело государевы» и в четвертый том «Материалов по истории медицины на Руси»⁷.

Все указанные дореволюционные публикации, как правило, не сопровождались подробными археографическими и историческими комментариями, а текст их в известной мере был адаптирован к языку XIX в.

После работ Н.Н. Новомбергского издание материалов колдовских процессов на долгое время прекратилось. Из современных немногочисленных публикаций следует особо отметить известное дело Дарьи Ламановой 1638-1641 гг.⁸ и процесс Афанасия Науменка 1642-1643 гг.⁹ Оба они были связаны с предполагаемой порчей царицы Евдокии Лукьяновны. Кроме того, в «Памятниках деловой письменности XVII века», посвященных Владимирскому краю, представлен комплекс колдовских материалов, связанных с событиями в городке Лухе¹⁰. Здесь мы уже имеем дело с документами, прекрасно опубликованными с археографической точки зрения, которые, однако, в силу специфики самих изданий, предназначены прежде всего для филологов, изучающих русский язык XVII в., и лишь затем для историков.

Часто дела, посвященные чародейству и гаданиям, из-за плохой сохранности или неполноты материалов, включенных в конкретные столбцы, освещают только определенный этап процесса. Например, в большинстве известных нам дел отсутствует приговор¹¹. Поэтому документация, наиболее полно фиксирующая все этапы колдовского процесса, заслуживает особого внимания.

Одним из таких документальных комплексов является сыскное дело некоей «бабы Дарьицы» из Гавриловской слободы Суздальского уезда, «ворожейки» царя Бориса Годунова (именно так оно обозначено в первом томе Путеводителя по фондам ЦГАДА¹²). Само дело относится к 1647 г., но в нем присутствует также изложение предыдущего процесса, связанного с именем этой же ворожей, который производился в 1638 — 1639 гг.

Дело Дарьицы входит в состав расклеенного столбца Приказного стола из фонда Разрядного приказа в РГАДА¹³; большую часть этого столбца занимают документы различного содержания, датируемые 1647 г., однако в конце его помещены также документы, относящиеся к началу царствования Петра I. Своим возникновением это дело было

обязано деятельности Приказа Большого дворца (Гавриловская слобода, стоявшая на дворцовых землях, находилась в его ведомстве). В дальнейшем сыск производился в Разрядном приказе, где его контролировала следственная комиссия Боярской думы во главе с боярином И.В. Морозовым (кроме него в комиссию входили боярин князь П.И. Пронский, окольничий Б.И. Пушкин, думные дьяки Н. Чистой и М.Ю. Волошенинов).

Сам процесс Дарьицы, несмотря на появление в нем позднее громких имен, начинался весьма ordinarily: крестьянин Спаса Нового монастыря Дмитровского уезда Симонко Тарасов обратился за помощью к ворожее Дарьице, проживавшей в дворцовом селе Володятино Гавриловской слободы Суздальского уезда, в надежде найти «покраденую рухледь», и когда та указала вора, недолго думая написал на него изветную челобитную монастырским «властям», в которой сослался в качестве доказательства на авторитетный, по его мнению, «источник» — на ворожею Дарьицу (л. 210). В Приказе Большого дворца, куда попала челобитная, этим «источником» заинтересовались несколько с иной стороны, связанной с профессиональной деятельностью ворожее. Положение Дарьицы существенно ухудшило и то, что ее взяли для следствия не в родном селе Володятино, а в Москве, у дворянина Романа Акинфеева, — ситуация, сама по себе способная вызвать повышенный интерес властей¹⁴.

Как уже было отмечено выше, главная ценность дела Дарьицы заключается в наличии в нем почти полного комплекса документов, входивших в классическое уголовное колдовское дело того времени. Мы говорим «почти полного», т.к. в комплексе, в частности, отсутствует подлинный текст инициативного документа — изветной челобитной вышеупомянутого Симона Тарасова.

Порядок расположения в столбце отдельных документов и их групп в целом соответствует ходу процесса. Последовательность материалов здесь следующая: 1) царский указ от 30 июня 1647 г. о передаче расспросных речей Дарьицы из Приказа Большого дворца «для сыску» боярской комиссии во главе с И.В. Морозовым (л. 154);

2) расспросные речи от 30 июня того же года: Романа Акинфиева, на дворе которого была обнаружена ворожее, самой Дарьицы о ее ворожбе и о том, «у ково во дворах бывала, и кому она што угадывала» (во время допроса всплыли, в частности, сведения о ее гадании царю Борису Годунову¹⁵), бывших приказчиков Гавриловской слободы Прокофия Носова и Никиты Протасьева, а также трубника Ивана Фомина, дававших показания о фактах, касавшихся первого дела Дарьицы, расследовавшие-

гося в конце 30-х гг. XVII в. (л.155 — 163); 3) предуведомление от 2 августа 1647 г. к памяти из Приказа Большого дворца о предыдущем деле Дарьицы и сама память от 6 августа того же года (л. 165 — 168) за приписью некоего Федорова¹⁶ (см. помету на л. 166); 4) недатированные показания Дарьицы о ее ворожбе, а также расспросные речи еще одного гавриловского приказчика — стряпчего Ильи Лошакова — «против бабиных расспросных речей»(л.169 — 175); 5) царская грамота от 10 июля того же года, присланная членам боярской комиссии из села Коломенского, с указаниями по дальнейшему ведению дела (л. 175); 6) черновой отпуск ответной отписки боярской комиссии царю Алексею Михайловичу о ходе дела, посланной не ранее 10 июля того же года (л. 176 — 178); 7) расспросные речи за период с 10 июля по 27 июля того же года князя Бориса Троекурова, княгинь Марины и Василисы Козловских и дворянина Дмитрия Колтовского, а также расспросные и пыточные речи самой Дарьицы и двух других ворожей, выявленных в ходе следствия (л. 179—206); 8) отписка, автора которой определить затруднительно, составленная не ранее 27 июля — не позднее 2 августа того же года и содержащая сведения о дополнительной проверке показаний ворожей, в том числе об обыске и последующей экспертизе найденных трав и корений (л. 207 — 209); 9) выпись Разрядного приказа из дела в доклад сыскальной комиссии Боярской думы, составленная не ранее 7 августа — не позднее 28 ноября того же года с текстом приговора от 28 ноября того же года (л. 228 — 229); 10) челобитная княгини Василисы Козловской, поданная на имя царя, с просьбой об освобождении ее от пенных денег в размере 50 руб., взимаемых «для того, что ходила за ворожбою» (л. 230); 11) черновой отпуск отписки из Разрядного приказа от 30 ноября того же года о памяти, посланной на Земский двор по приговору ворожее Дарьице, и о памяти, посланной в Приказ Большого дворца по приговору сотнику Прокофию Носову и крестьянам села Орудьева, проходившим по данному делу (л. 231); 12) черновой отпуск памяти из Разрядного приказа в Приказ Большого дворца от 2 декабря того же года о ссылке Прокофия Носова и крестьян села Орудьева (л. 232); 13) поручные записи, данные не ранее 2 декабря того же года в связи со ссылкой Прокофия Носова (л. 233 — 234).

При анализе вышеперечисленных документов обращает на себя внимание характер составления расспросных речей, отписок из Приказа Большого дворца и выписи из дела в доклад. Если отписки расположены в столбце хронологически, то в выписи хронология допросов сбита, и логически ее текст делится на три основные части: 1) информацию о выявленных в ходе следствия знатных людях или об их слугах, прибе-

гавших к помощи ворожей; 2) информацию, касающуюся деятельности (в связи с ворожейной практикой Дарьицы) приказчиков Гавриловской слободы; 3) информацию относительно «колдуний», выявленных по «скаске» Дарьицы. Кроме того, в выписи показания Дарьицы перемежаются сведениями, извлеченными из расспросных речей других подследственных, хотя в отписках эти речи пересказываются после всех показаний ворожей. В зависимости от полученных показаний в тексте протоколов расспросных речей делалась помета о мерах, принятых к подследственным.

Другая немаловажная особенность данного дела — демонстрация им всего социального спектра лиц, прибегавших к услугам чародеев и гадателей. Здесь представлены практически все категории: аристократы и дворяне, приказные и посадские люди, крестьяне и холопы.

Дело Дарьицы также очень информативно с процессуальной стороны. Кроме стандартного набора «допрос — очная ставка — пытка», здесь имеются любопытные отчеты о произведенном обыске (процедура, проводившаяся в присутствии старосты, целовальников и «крестьян лутчих людей») и об экспертизе в Зелейном ряду найденных при этом корений (л. 209). Кроме того, при опознании Дарьицей попавших под подозрение людей Н.И. Романова происходит тщательное установление их алиби и приводятся имена лиц, способных его подтвердить (л. 222 — 227).

Примечательно, что, как и в весьма выразительном деле Афанасия Науменка, о котором упоминалось выше, пытка как средство получения доказательств применялась в деле Дарьицы лишь к людям, непосредственно занимавшимся ворожбою. По отношению к прочим участникам дела сыщики ограничивались разными формами допроса. Максимальная мера, используемая при получении от них показаний, — это «пригроза». Но если в деле Науменка причина столь избирательного применения пытки была связана с хаотичностью показаний самого преступника, лежавших в русле тяжкого самооговора, то в деле Дарьицы весь казус состоял в высоком положении ряда лиц, привлекаемых к следствию. Почти каждый второй, обращавшийся к услугам ворожей, был дворянином, а имена некоторых из них сопровождалось еще и титулами (князь Борис Троекуров, князья Козловские, князь Василий Голицын и т. д.)

Правда, пытка к каждой из трех ведуний, проходивших по делу, применялась лишь дважды (л. 217 — 220); во многих других колдовских процессах, как свидетельствуют, в частности, документы, опубликованные Н.Н. Новомбергским, наличествовали преимущественно три пытки¹⁷. Очевидно, это было обусловлено достаточно искренними, по мне-

нию сыщиков, показаниями ворожей (перед некоторыми расспросными речами встречается, например, характерная фраза: «и она про то сказала вправду» — л. 155, 156; по отношению к поведению Дарьицы на допросах также отсутствует термин «запиралась»).

Несколько слов следует сказать о приговоре, вынесенном членами комиссии Боярской думы «бабе Дарьице». Ее приговорили к сожжению, что неудивительно, если учитывать ее пятидесятилетнюю практику ворожбы, а также состав ее клиентуры. Явное неудовольствие судей должно было вызвать упоминание в числе тех, кто пользовался ее услугами, имени царя Бориса Годунова. Кроме того, большинству подозреваемых всеми правдами и неправдами удалось избежать ответственности (весьма откровенна встречающаяся в деле формулировка: «так как до него дело не дошло» — л. 219, 227), и поэтому вся тяжесть вины пала на Дарьицу.

К сожалению, значительный объем дела не позволяет в настоящий момент издать его целиком. В связи с этим мы ограничиваемся публикацией лишь докладной выписи Разрядного приказа, предназначенной для комиссии Боярской думы, т. е. этот документ наиболее полно передает содержание дела.

Материалы дела Дарьицы почти не фигурировали в научных трудах, затрагивавших проблемы истории колдовства и знахарства в России. На некоторые его фрагменты, связанные с текстами лечебных заговоров, ссылались в своих работах Е.Н. Елеонская и Л.В. Черепнин¹⁸. Упоминает его и Р.Г. Скрынников, рассматривая практику обращения Бориса Годунова к ворожеям и волшебникам¹⁹.

Выпись публикуется по «Правилам издания исторических документов СССР» (М., 1990). Утраченные части текста обозначаются отточиями. Восстановленные по смыслу слова заключаются в квадратные скобки. Конъектуры и необходимые пояснения к тексту выносятся в литерные подстрочные примечания.

1647 г., не ранее августа 7 — не позднее ноября 28. — ДОКЛАДНАЯ ВЫПИСЬ РАЗРЯДНОГО ПРИКАЗА ИЗ СЫСКНОГО ДЕЛА ВОРОЖЕЙ ДАРИЦЫ, КРЕСТЬЯНКИ с. ВОЛОДЯТИНО ГАВРИЛОВСКОЙ СЛОБОДЫ СУЗДАЛЬСКОГО УЕЗДА

л. 210

Выписано из сыскново дела в доклад на перечень.

В прошлом во 155-м году, в июне, прислали в Приказ Большого дворца Спаса Нового монастыря власти изветную челобитную монастырские вотчины села Орудева²⁰ крестьянина Симонка Тарасова, а в изветной челобитной Симонка Тарасова написано: в прошлом де во 155-м году покрали у нево из клети рухледь, и он, Симонка, того ж села Оруднева со крестьяны, с Лазарком Логиновым да з Докучайком Давыдовым, ходили к ворожейке к бабе к Дарьице, чтоб она угадала, хто у нево, у Симонка, тое рухледь покрал. И та баба, угадав, сказала ему, что покрал ево, Симонка, сасед ево, у которово жена бегала, и признаки ему сказала, каков он собою. И по той бабиной скаске, по приметам, — сосед ево, Ермолкою зовут, Лазорев. И он, Симонко, в той краже на того Ермолку Лазорева бил челом влаstem, и власти с тем ево Симонковым челобитьем и ево, Симонка, прислали в Приказ Большого дворца.

И по государеву указу посылан в Суздальской уезд, в село Володятино, по ворожейку по Дарьицу из дворца трубник, и ту бабу в селе Володятине не заехал, потому что имал ее к Москве к себе на двор для ворожбы Роман Акинфеев. И та баба на Москве взята на дворе у Романа Акинфеева.

И государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси указал сыскивать бояром Ивану Васильевичу Морозову, да князю Петру Ивановичю Пронскому, да околничему Борису Ивановичю Пушкину, да думным дьяком Назарью Чистого да Дмитрею²¹ Волошенинову.

И июня в 30 день бояре Иван Васильевич Морозов с товарищи Суздальского уезду Гавриловские слободы села Володятина ворожейку бабу Дарьицу ропрашивали: сколь давно она, Дарьица, и чем ворожит, и по чему узнавает, и хто ее той ворожбе учил, и иные люди, мужики и бабы, с нею такою ж ворожбою или иною какою ворожбою ворожат ли, и хто имяны, и иных каких людей такой же ворожбе ...^a Дарьица не учивала ль,

^a Утрачено одно слово.

л. 211 и [на]^б //перед сево кому што угадывала, и каким болезнем помогала, и у ково на Москве у бояр и у околничих и у думных людей бывала, и кому што угадывала? И баба Дарьица в роспросе сказала, что она ворожит, на соли смотрит и угадывает всяким людем, хто о чем загадывает. А как она почала ворожить — тому де с 50 лет, с той причины: как она была болна в ослабленье, и в церкви де было ей привиденье: пришел к ней стар муж и сказал ей, чтоб она угадывала всяким людем что кому надобно. Да и после де тово тот же старой мужик да жонка косматы казывались ей, из воды выходя, и она де признавает, что то ей сталося от дьявольского привиденья. А узнавает де она по тому, как смотрит на соль, и ей де кажутца на соли мужики: иной плачет, а иной смеетца. А будет о краже хто загадывать, ей по тому ж явлетца на соли, кабы человек с угорься бежит, и признаками хто каков украл, а другой за ним гонит. А кому жить или умереть, и то она по тому ж видит на соли, и кажетца ей всяко, что кому надобно.

И тою де ворожбою она, Дарьица, ворожила многое время и угадывала, что кому надобно. И к Москве ее имывали, и по селам и по деревням, как видела, браживала, и многие уездные люди для ворожбы к ней, Дарьице, в Володятино прихаживали, и она им угадывала. А как обнищала, и по нее по тому ж приезживали многие люди, и к Москве ее имывали с ведома гавриловских приказщиков, и приказщики про нее ведали. А иных баб и мужиков с нею тою ворожбою никто не промышляли, и никою де она, Дарьица, той ворожбе не учивала, и детей у нее ныне никою нет, а с молодых лет было у ней детей: сын полтора года, а дочь 2-х недель, и померли малы.

И как де царь Борис Федорович был в правителех, и от него де присылан к ней был дворянин, Микифором звали, а чей сын и прозвище — того не упомнит. И той де дворянин загадывал: быть ли де Борису Федоровичю на царстве? И она де ему угадала, что Борису Федоровичю быть на царстве некоторое время. И она де за то была за приставом у дьяка, Томилом звали, а чей сын ...^в уме...^г//и прозвищем — тово не упомнит; а глаз у него был болен. И как де^а Борис Федорович

л. 212

^б Восст. по смыслу.

^в Утрачена фраза.

^г Утрачен конец слова.

^а Далее зачеркнуто царь.

учинился царем, и ее свободил. А при Ростриги де была у князя Василья Голицына, а чей князь Василей сын — тово она не упомнит. Жена у нево в то время была болна, и он де, князь Василей, ей, Дарьице, дал на блюдецке меду, и она де на том блюде и по ся места ворожила.

Боярина князя Якова Куденетовича Черкассково деревни подошли блиско тово села Володятина, толко де она Дарьица, у нево, боярина, не бывала, а двора его люди хотя и будет у ней и были, толко де они ей не сказывались. А деревня де боярина князя Якова Куденетовича от тово села Володятина верст з десять.

Она ж де бывала у Темкина, а хто Темкин — тово не ведает²². А присылала де по нее, Дарьицу, в село Володятино теща ево. А в то де время был у них на приказе дворовой человек Еремей Мунин. И та де Темкина теща говорила ей, что дочери ей^с, Марьи, муж Темкин не любит, и она б де тому пособила. И она де, Дарьица, того не знает, опричь тово, что на соли смотрит и угадывает.

Она ж де была у столника у князя БорисаТроекурова в то время, как он был холост и лежал болен при смерти чюдь жив, зашибла ево лошедь, и она ево смотрила.

А столник князь Борис Троекуров сказал: тому де болши 17 лет, лежал он болен при смерти недель з 9 безпамятно. Как он от той болезни обмогся, тетка ево Ирина, Ивановская жена Басманова, сказывала ему, что присылала она к нему бабу посмотреть, будет ли он, князь Борис, жив. А какую бабу — тово де он не ведает, потому что лежал безпамятно. А был он в то время в молодых летех, холост, и у государя ни в каком чину не был.

Она ж, Дарьица, была у княгини Марины^к, у князь Михайловской жены Козловского, как у нее муж ее, князь Михайло, был болен, и она по нее, по Дарьицу, присылала и загадывала, будет ли муж ее жив. А как она, Дарьица, к той княгине приехала, и муж де ее умер//

л. 213

И по государеву указу Михайловой жене Козловского ко княгине Марине посылан допрашивать думной дяк Михайло Волошенинов, а в допросе она сказала: как муж ее был болен и от болезни своей лечился дохтурами, и в том ему никакие помо-

^с Так в ркп.

^к В ркп. испр. из Марины.

чи не бывало. А тому де лет з 4, за два года до смерти, ведомо им учинилось, что будто володятинская баба болезнем помогает. И та баба у них была, и сказала ему, князю Михаилу, чтоб он молился богу, а она де ему пособить не умеет. И он де ей над собою ворожить ничем не велел, и она де, княгиня Марина, от того мужа своего остерегала и ворожить над ним и угадывать ничем не велела. А не стало де мужа ее в Курску тому 7 лет, и после тово она, Дарьица, у них николи ни для чево не бывала.

Та ж баба Дарьица в роспросе сказала, что была она у князь Савельевы жены Козловского, намetyвала горшок, тому год.

И по государеву указу ко княж Савельеве жене Козловского ко княгине Василисе посылан про то допрашивать думной дьяк Михайло Волошенинов, а в допросе она сказала: как муж ее князь Савелей был на Москве, и она была болна, при смерти, тому нынешние зимы год минул, и слышали они про ту бабу от людей своих, будто она болезнем помогает. И ту де бабу к ним привозили, и та де баба у них на соли смотрела, а ничево не узнала. И горшок ей намetyвала, а помочи от нее ничево не было. А излечил ее немчин Ондрей обтекар³, а до тех мест и после тово та баба у них николи не бывала. //

л. 214

Да та ж баба сказала: тому 2 года приезжала к ней в Володятино для ворожбы княгиня, называли ее Татевы, из вотчины своей из Клинища да из Недоровского, а с нею был князь молод, имяни ему не ведает.

А та де княгиня в то время была болна и руками не владела.

И она де ее смотрела и сказала ей, что она будет здорова.

И она ж де была на дворе боярина князя Бориса Олександровича Репнина у служни жены у болной, и смотрела у ней на сердце, а сколь давно была и как ее зовут — тово не упомнит. Она ж де была у князя Василья Яншеева, а у нево в то время рука была отсечена. И она смотрела на соль, какая у нево скорбь, и, угадав, сказала ему, что у него в руке болячка смертная.

Федору Толочанову угадывала, что быть ему при государственной милости ненамного, а после быть ему всылке.

И ныне была она у Романа Окинфеева и у зятя ево, у Дмитрея Колтовского, для тово, что жена ево, Романова, и малые дети, и зять ево, Дмитрий Колтовской, лежат гораздо

³ Так в ркп.

болны, и она де их посмотрела.

И Дмитрий Колтовской роспрашиван, в роспросе сказал: присылал де к нему ту бабу Дарьицу Роман Акинфеев, и та де баба ево смотрела, и за живот хватала, и сказала, что лихоратка нутреная, а ворожить де он над собою ей ничем не давал. //

л. 215

И по государеву указу Роману Акинфееву^н за ту ево вину учинено наказание — бить кнутом по торгам.

Та ж баба сказала: имали де ее ко князь Федоровой княгине Татева, как она была болна, и угадывала ей, что умереть ей вскоре, а в котором году — тово не упомнит.

Она^к ж была у Офонасья Окинфиева в то время, как он был ногами скорбен, и она де у него начевала две ночи, и ево смотрела, и, угадав, сказала ему: от той скорби умереть ему вскоре. А как у него была — тому лет з 10. Та ж баба сказала: была де она у Федора Фефилатьева. В то время жена у него была болна, и она ее смотрела, а в котором году — тово не упомнит.

Да как у них был на приказе в Гавриловской слободе дворовой человек Илья Лошаков, и он де Дарьице давал в глаза лекарство, иньбирь с мылом, с приезде своего, как он приехал на приказ, а после де тово она, Дарьица, у него, Ильи, николи не была, и он к ней ни для чево не присылывал.

А Илья Лошаков сказал: как он был на приказе в Гавриловской слободе — тому 20-й год. И на приезде приходили к матери ево с хлебами крестьянки, а та Дарьица просила у матери ево, чтоб дала ей что в глаза пустить. А у матери де ево в то время у самой глаза были болны, и мать де ево пускала себе в глаза мыло с иньбирем, и той бабе дала того ж мыла с иньбирем, а велела ей в глаза пускать.

А с приезде своего про ту бабу он, Илья, не ведал, что она ворожит, а сведал про нее перед съездом своим с приказу незадолго, что она ворожит, а после тово та баба у него и у матери ево николи не бывала, и по нее не посылав, и сам к ней не ездывал, и к Москве ни х кому не посылав, а хто к той бабе приезжал или прихаживал для ворожбы — про то он не ведает.

Та ж баба в роспросе сказала: была де она у дьяка у Григорья Нечаева, как он был в вотчине своей в Юрьеве, и пропала у него

^н В ркп. испр. из Акинфееву.

^к Испр.: в ркп. Ана.

книга, а как ту книгу зовут — тово де она, Дарьица, не ведает, толко де он, Григорей, по той книге гораздо скорбил. А в то де время был у них на приказе Прокофей Носов.

И она де ему, Григорью, угадала, что та книга в том же дворе у татарина, а сын ли ему, или племянник — тово она не упомнит. И за то де отгадывание дьяк Григорей Нечаев ее, Дарьицу, ссылал на Белоозеро, в Девичь монастырь в Горы. А была она в том монастыре з год.//

л. 216

А Прокофей Носов сказал: был де он на приказе в Гавриловской слободе со 148 году полтретья года и слышал от крестьян, что в селе Володятыне ворожит баба Дарьица, смотрит на соли всяким людям, которые к ней приходят, и к Москве она ездит, а х кому она к Москве ежживала — тово он не ведает. А он де, Прокофей, ее к Москве не отпускавал, и никто к нему об ней не писывал и не приказывал, и она у него николи ни для чево не бывала. Да к нему ж де, Прокофью, прислана была государева грамота из Приказа Болшого дворца за приписью дьяка Григорья Нечаева, а велено ту бабу, сыскав, держать за приставом до государева указу. И он, сыскав, держал за приставом немалое время. А та де баба была болна, и он о том писал ко государю, что она сыскана и лежит болна и к нему о том государева указу не прислано. И после тово вскоре прислан в Гавриловскую слободу на ево место, на приказ, Микита Протасьев, и после ево Прокофьева съезду прислан был к Миките Протасьеву трубник Ивашко Фомин з государевым указом по ту бабу, а с каким государевым указом он, Ивашко, приезжал, и ту бабу, взяв, куды отвез — тово он не ведает, потому что с приказу съехал, а делалось после ево.

А трубник Ивашко Фомин сказал: в прошлом во 150-м году, в Филипов пост, посылан он из Приказу Болшого дворца з государевою грамотою в Гавриловскую слободу к приказщику к Миките Протасьеву, а по той де государеве грамоте велено ему в Гавриловской слободе, взяв у приказщика у Никиты Протасьева бабу Дарьицу, отвести на Белоозеро в Горы, в Воскресенской Девичь монастырь под начало, а он, Ивашко, в тот монастырь ее отвез и отдал игуменье, и отписку в том у ней взял, и ту отписку отдал в Приказе Болшого дворца. А за какую вину та баба Дарьица на Белоозеро с ним под начало сослана, и по какому государеву указу з Белоозера ис-под начала взята, и хто по нее ездил — тово он не ведает.//

л. 217

И о том для подлинного ведома в Приказ Болшого дворца

посылана память: за какую вину та баба Дарьица всылке на Белоозере в Воскресенском Девичьем монастыре была и по какому государеву указу ис тово монастыря ис-под начала отпущена?

А в памяти из Приказу Большого дворца написано: в прошлом во 150-м году, октября в 18 день, писал блаженные памяти к великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси Суздальского уезду из государевы дворцовые Гавриловские слободы приказщик Микита Протасьев: в прошлом де во 147-м году по государеву указу велено Прокофью Носову Гавриловские слободы приселка Володятина ворожейку вдову Дарьицу прислать к Москве, и та ворожейка вдова Дарьица была у Прокофья Носова за приставом многое время и, в железах быв, занемогла, и из желез выкинута. И во 150-м году ведомо ему, Миките, учинилось, что к той ворожейке Дарьице приезжают и приходят для знатья многие люди. Да и в роспросе перед ним, Микитою, та жонка Дарьица в ворожебе не заперлася. И по государеву указу и по той Микитиной отписке та ворожейка Дарьица послана с приставом под начало на Белоозеро, в Девичь монастырь в Горы, а велено ее отдать под начало старице доброй и искусной, и держать ее в крепком монастырском смиренье, чтоб к ней никто не приходил, и волшебных никаких слов ни с кем не говорила, и никакова б дурна никому не дельвала, и всегда б имела пост и молитву, и приходиться велено к церкви Божией всегда к пеню, и с монастыря спускать не велено, чтоб ее привести в чюство, и чтоб она прежних своих плутен отстала и утвердилась в православной христьянской вере. И декабря [в] 15 день писали ис Белоозерсково из Воскресенского монастыря из Гор игуменья Евраня с сестрами с трубником с Ывашком Фоминым, что они по государеву указу тое ворожейку Дарьицу у нево, Ивашка, в монастырь приняли.

А как она из Воскресенсково Девичья монастыря из Гор испод начала вышла или свобожена, и хто ее свободил, и по какому государеву указу, и скол давно — и о том в Приказе Большого дворца не ведомо, и отписки об ней из Воскресенского монастыря, и челобитья ее, Дарьицына, о свободе в Приказе Большого дворца не бывало. И баба Дарьица пытана 2-жды. На первой пытке было ей 11 ударов, и голова пробривана, и вода на голову лита, и огнем жжена.//

л. 218

А на другой пытке было ей 12 ударов, и огнем жжена. А блюдо, на чем она ворожила, и ковшик, чем пила, в то ж время со-

зжено, как она огнем жжена. И с пытки говорила то ж, что и в роспросе сказывала, а болши того ничего не говорила.

Да та ж баба ж Дарьица сказывала, что знают ворожбу в том же селе Володятыне крестьянина Филкина жена Микулина Оленка Кузмина дочь з дочерью своею с Улиткою. Оленка де розводит костьми и коренье людем дает, а дочь ее Улитка у людей соль емлет. А достаточно ль та жонка Оленка и дочь ее Улитка ворожбу знают — про то она, Дарьица, подлинно не ведает. И те жонки, на которых сказывала баба Дарьица, из Суздальского уезду взяты и роспрашиваны порознь.

И жонка Оленка сказала, что она костьми розводит без приговору, спроста, а в том розводе 41 кость. И на костях узнавает: как падет в трех местех сперва по 3 кости, и она де скажет, что пало добро, а будет падет иноко¹, и она скажет — худо. А болши тово она ничем ворожить не умеет, и шептанья и приговоров никаких не знает, и коренья лихово не держит, и людей не портит, и порчей² не знает.

А дочь ее Улитка сказала, что она костьми не розводит и на соли не смотрит, и ворожить не умеет, и коренья никакова никому не дает, и ни у ково ворожбе не училась, и людей не портит порчами, потому ж помогать не умеет.//

л. 219

И жонка Оленка и дочь ее Улитка з бабою з Дарьицею ставлены с очей на очи.

И на очной ставке баба Дарьица говорила, что Оленка костьми розводит и малым робятам с коренья воду пить дает, и от уроков водою окачивает. А муж де у ней, у Оленки, володятинской крестьянин, Филкою зовут, простой человек, ничего не знает.

И жонка Оленка про ворожбу и про коренья и про порчи питана. Было ей 30 ударов, и голова пробривана, и вода на голову и на спину лита, и после тово огнем жжена. А говорила прежние свои речи: мечет де она костьми спроста, без приговору, и опричь тово ничего не знает.

А Оленкин муж, володятинской крестьянин Филка Микулин, в роспросе у пытки сказал: в вине де ево волен бог да государь, а он тово утаить не хочет и сказывает вправду, что жена ево Олен-

¹ Так в ркп.

² Испр.: в ркп. порчем.

ка костями розводит, а впрям ли^н она знает — того он подлинно не ведает. И детей малых водою окачивает и грыжу у них зубами загрызывает. А коренья кому дает ли и от чево, и падчирица ево, жонка Улитка, ворожит ли, и чем ворожит — про то он не ведает, потому что падчирица ево живет в ыном селе. А он де, Филка, ворожить не умеет, и за ворожбою и ни за каким дурном не ходит.

И Филка у пытки страшен, и руки в петле были. Болши того на жену свою и на падчирицу ничево не говорил. И жонка Оленка против роспросных речей мужа своево винилась: в том де она перед государем виновата, что до пытки, в роспросе, и с пытки не все сказала. А малых детей от уроков и от болезни водою окачивала, и грыжу загрызала с приговором, а приговор де у ней таков: "Святый Тихон, святой Миня, святой Меркурей, архи Петр и Павел, верховной апостол, теплой заступник, спаси и помилуй, и утиши всякие недуги душу имя река», кому приговаривает. Тот же заговор, как она и грыжу закусывает.

А учила де ее, Оленку, тому заговору мать ее Оленкина, а как матери ее не стало — тому лет с 10.//

л. 220^о

Да она ж де, Оленка, как была болна от лихоратки, тому года с 4, и к ним в деревню приходил татарин, а откуда приходил и как ево зовут — тово не ведает, а до тех мест она ево не знала. И он де, видя ее болну, дал ей корень невелик, мохнат, а велел ей с тово коренья воду пить, и от тово де ей стало лехче. И она де, смотря тот корень, сыскала в поле такова ж корень и давала болным людям от лихоратки воду пить, а ныне де то коренья у ней дома. А лихова де коренья у ней нет, и портить не знает, и на соли не смотрит, а промышляет де она тем года с 4. А дочь ее чем ворожит ли, и малым детям помогает ли — тово она не ведает, потому что дочь ее живет в ыном селе.

И жонка Оленка пытана в другоряд и огнем жжена. Было ей с прежними 35 ударов. Говорила те ж речи.

И после тово баба Дарьица у пытки ставлена с очей на очи с Оленкиной дочерью з жонкою с Улиткою, и говорила баба Дарьица: то де она видела, что Улитка, взяв в руку свою соли, около головы у робенка соль обносила, и чает де она, что и с коренья пить давала. А впрям ли она ворожбу знает — того не ведает.

^н Испр.; в ркп.ни.

^о В деле л. 220 и 221 переставлены местами.

И жонка Улитка про коренье и про всякие травы и про ворожбу пытана накрепко. Было ей 31 удар, и огнем жжена, и голова пробривана, и вода на голову лита. И с пытки говорила прежние свои речи, что она ворожить ничем не умеет, и трав и коренья никакова не знает.

А для обыскивания коренья и трав в село Володятино и деревню Городище, где те бабы живут, посылан сотник стрелецкой Степан Жеребцов, а велено ему в их дворах, сыскав травы и коренья, привести к Москве. И по скаске сотника Степана Жеребцова, взял у жонки Оленки на дворе в одном месте корень, да в узелку еловые шишки тертые, да в бумашке немного травы тертые, да што пузырины немного сухо.//

л. 221

И то все показывали Зелейного ряда торговым людям. И те торговые люди, смотря, сказали, что они того ничего не знают.

И жонка Оленка про то сказала: еловые тертые шишки — ото утробы, а пузырина де — выползок змеин, а нашла де ево она на поле, а слыхала де она про нево, что носят ево от лихоратки, а корень и тертую траву дал ей татарин, от лихоратки ж, про то она наперед того и в роспросе сказала.

А у Оленкины дочери у жонки Улитки сотник Степан Жеребцов трав и коренья на дворе никакова не сыскал. Взял у ней толко мылишка гретцково немного, в плату завязано.

И ворожейка баба Дарьица володятинская, и жонка Оленка, Филкина жена Микулина, и дочь ее жонка Улитка сидят за приставы.

А Филка Микулин свободен, потому что до него дело не дошло. А монастырской крестьянин Симонко Тарасов^п отдан от Спаса Нового монастыря слушке Орпошке Толмачеву с роспискою.

А дворцовые люди Илья Лошаков да Прокофей Носов даны на поруки з записьми до государева указу.//

л. 222

Июля в 27 день к бояром, к Ивану Васильевичу Морозову с товарищи, прислал к сыскному делу боярин Никита Иванович Романов людей своих, Петрушку, да Бориска, да Тихонка Степановых детей Коровина. И те боярские люди спрашиваны порознь: Суздальского уезду села Володятина про ворожейку бабу Дарьицу они, Петрушка з братьями, знают ли, и на дворе у ней для ворожбы бывали ль или ково от себя посылавали? И они б про то сказали вправду. И Петрушка Коровин сказал, что он

^п Испр.; в ркп. Тарасов.

л. 223

бабу Дарьицу не знает, и у ней не бывал, и никою не посылавал. А как де боярин Никита Иванович прошлые осени в нынешнем во 155-м году был з государем в Сергиевском походе, и ис походу заезжал в суздальскую свою вотчину в село Лычово, а отец де ево, Степан Коровин, в то время был//в боярской в суздальской вотчине в селе Кишлееве на приказе. И ис села Кишлеева он, Петрушка, с отцом своим ездили в село Лычово к боярину к Миките Ивановичю челом ударить. А брат де ево середний, Бориско Коровин, был в то время з боярином с Микитою Ивановичем. А меньшей ево брат, Тихонко, был на Москве без съезду. А в селе де Лычове в то время был приказщик Ортемей Раков, а староста Власко Ядин. А в Кишлееве староста был Наумко Гаврилов. И отцу де ево, Степану, в Лычове на приказе велено быти за три недели до Велика дни. А он, Петрушка, и отец ево, и братья у той бабы в селе Володятине николи ни для чево не бывали, да в том он, Петрушка, на ту бабу Дарьицу шлетца, что они у ней николи не бывали.

л. 224

Бориско Коровин сказал: в прошлом во 154-м году в осеннем в Сергиевском// походе был он с боярином с Никитою Ивановичем, и ис походу с ним в вотчине в селе Лычове был, а в Володятине де он у ворожейки Дарьицы николи ни для чево не бывал.

Тихонко Коровин сказал: жил он с отцом своим в селе Кишлееве, а [то село Ки]шлеево^р де от Володятина 20 верст. А у той ворожейки, у бабы у Дарьицы, он николи ни для чево не бывал.

л. 225

А баба Дарьица про то спрашивана, сказала: прошлой де осени, после Михайлова дня, был у нее прозвище Коровин, а имени ему не ведает. А сказывали ей, что он ростом низок, борода плоска, велика, с сединою, толстоголос, а она де, Дарьица, того Коровина не знает, потому что не видит. А сам ли Коровин был, или хто ево именем пролыгалься — тово она не ведает. А называли ево из Лычова приказ//щиком. А имени себе не сказывал, а иные де сказывали, что приезжал он ис Кишлеева. И Петрушко, и Бориско, и Тихонко Коровины з бабою Дарьицею ставлены, и баба им в глаза заглядывала, и говорила, что она их не знает, и у ней де они не бывали, и никою из них не узнала.//

л. 226 И Степашко Коровин сказал: как де в прошлом во 154-м году, в осень, приезжал в суздальскую вотчину в село Лычово боярин Никита Иванович Романов, и он де, Степашко, с сыном своим с Петрушкою из боярского ж села Кишлеева приезжал в село Лычово к боярину к Никите Ивановичю челом ударить. И, начевав в том селе Лычове одну ночь, отпущены они назад в село Кишлеево ж. А у володятинской бабы у Дарьицы он николи ни для чево не бывал и ни о чем не загадывал.

л. 227 И з бабою Дарьицею Степашко Коровин ставлен, и она ево смотрила и сказала, что он у ней, у Дарьицы, не бывал//, и она ево не знает, а был де у ней, назывался Коровиным, собою низмен человек, борода плоска...^с

И те люди, Степашко Коровин з детьми с Петрушком, и з Бориском, и з Тихонком, отданы боярина Никиты Ивановича Романова человеку ево Михаилу Соколову того ж числа, потому что до них дело не дошло.

^с Утрачен конец фразы.

На л. 228 — 229:

Приговор:

И 156 года, ноября в 28 день, бояре се отписки слушали и приговорили: ворожейку бабу Дарьцу володятинскую, дав ей^г отца духовнаго, зжечь, а жонок, Оленку Кузмину дочь, Филкину жену Микулина, з дочерью ее с Улиткою, и с мужьями их, и з детьми, и со всеми животы сослать на житье в Новый Царев Алексеев Город.

Спаса Нового монастыря крестьяина Дмитровского уезда села Орудьева Симонка Тарасова сослать на вечное житье в Новые^г Царев Город з женами и з детьми, и со всеми животы, и о тех крестьянех послать память во Дворец.

Сотника Прокофья Носова сослать на вечное житье в Новый Город, где доведетца, з женою и з детьми, и со всеми животы, и велеть ему служить во детех боярских. Илью Лошакова бояре приговорили свободить, и быть ему в Государеве дворе по прежнему.//

На княж Михайлове жене Козловского на княгине Марине и на княж Савельеве жене Козловского на княгине Василисе взять заповеде по 50 рублев для того, что ходили за ворожбою.

А к боярину к Миките Ивановичю Романову бояре приговорили послать говорить, чтоб он людям своим, Степашке Коровину з детьми, велел наказанье учинить у себя.

И на князь Михайлове жене Козловского на княгине Марине и князь Савельеве жене Козловского на княгине Василисе по государеву указу заповедных денег имать не велели. А бил челом за княгиню Марину государю боярин князь Алексей Михайлович Львов.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 564. Л. 210 — 229.

Подлинник. Датируется по содержанию и по приговору.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Черепнин Л.В. Из истории древнерусского колдовства XVII в.//Этнография. М.;Л., 1929. Кн. 8. № 2. С. 86.

² См., напр.: Псковская 2-я летопись. Синодальный список//Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 36; ПСРА. СПб., 1853. Т. 6. С. 186; 1906. Т.

^г Сверху над строкой вписано Послать о том память на Земской двор.

^г Далее зачеркнуто города же.

13. С. 455, 457; ср.: *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1994. Т. 3. С. 601 — 604.

³ См.: *АИ. СПб., 1841. Т.3. С.224 — 225.*

⁴ Там же. СПб., 1841. Т.2. С.82 — 83.

⁵ См.: *ААЭ. СПб., 1836. Т.3. С.259.*

⁶ См.: *Новомбергский Н.* Колдовство в Московской Руси XVII-го столетия: Материалы по истории медицины в России. СПб., 1906. Т. 3, ч. 1.

⁷ См.: *Новомбергский Н.* Слово и дело государевы. М., 1911. Т.1; Томск, 1904. Т. 2; *Он же.* Материалы по истории медицины в России. Томск, 1907. Т. 4.

⁸ См.: Памятники московской деловой и бытовой письменности. М., 1968. С.254 — 276. Впервые дело Д. Ламановой вместе со сходным делом 1635 г. было опубликовано еще И.Е. Забелиным (см.: *Забелин И.Е.* Сыские дела о ворожеях и колдуньях при царе Михаиле Федоровиче//*Комета. М., 1851. С. 469 — 492).*

⁹ См.: Там же. С. 235 — 249. Материалы этого дела впервые широко осветил А.Н. Зерцалов (см.: *Зерцалов А.Н.* К материалам о ворожбе в Древней Руси. Сыское дело 1642 — 1643 гг. о намерении испортить царицу Евдокию Лукьяновну//*ЧОИДР. М., 1895. Кн. 3. С. 1 — 38)*

¹⁰ См.: Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край. М., 1981. С. 147 — 148, 161, 181 — 185.

¹¹ См., например: *Новомбергский Н.* Колдовство... № 1, 3 — 10, 13, 15, 18, 20, 22 — 27, 29, 32.

¹² Центральный государственный архив древних актов СССР. Путеводитель. В 4 т. М., 1991. Т.1. С.135.

¹³ РГАДА.Ф. 210. Оп. 13. Д. 564. В дальнейшем ссылки на листы дела даются в скобках в тексте.

¹⁴ Ср. ситуацию сложившуюся в 1630 г. на Лебедяни, когда воевода Лука Плещеев тщетно добивался выдачи ворожеи Салтанки у стрелецкого и казачьего головы В. Павлова (см.: *Новомбергский Н.* Колдовство... С. 25 — 53).

¹⁵ Здесь можно провести сравнение с данными о «бабе Варваре», которая, как и Дарьица, гадала Борису Годунову о «его восшествии на царство», правда, в манере римских авгуров (см.: Сказание о царстве царя Федора Иоанновича//*Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени (РИБ. Т. 13, вып. 1). Изд. 3-е. Л., 1925. Стб. 758-761)*

¹⁶ Ср.: *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV — XVII вв. М., 1975. С. 540 — 544.

¹⁷ Процессуальная сторона колдовских дел практически во всех моментах следствия схожа с делами о разбое, татбе и т.п., где законы предусматривали для обвиняемых три пытки (см., напр.: Дополнения к Уставной книге Разбойного приказа 1616 — 1617 гг. //*ПРП. М., 1961. Т. 7. С.199; Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л. 1987. С. 126).* Особенно отчетливо пример троекратной пытки в колдовском процессе виден в вышеупомянутых делах Дарьи Ламановой (см.: Памятники московской деловой и бытовой письменности. С. 238, 239, 241) и Афанасия Науменка (см.: Там же. С. 254 — 275).

¹⁸ Елеонская Е.Н. Сказка, заговор и колдовство в России. Сб. трудов. М., 1994. С. 104; Черепнин Л.В. Из истории древнерусского колдовства... С.90, 91, 92, 94, 103.

¹⁹ Скрынников Р.Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985. С. 216. Прим. 46.

²⁰ Обращаем внимание на то, что в деле встречаются и другие наименования этого села: Оруднево (л. 210), Орудьево (л. 228).

²¹ Думный дьяк Разрядного приказа Михаил Юрьевич Волошенинов ошибочно назван здесь Дмитрием. Подробнее о нем см.: Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие... С. 106 — 107.

²² В деле на л. 182 приводятся следующие слова Дарьицы: «...а хто де тот Темкин, князь или боярин, про то де она сказать не упомнит». Речь здесь, по всей видимости, идет о ком-то из рода князей Темкиных-Ростовских.